

На правах рукописи

САФЬЯНОВА Мария Андреевна

ТРАДИЦИОННЫЙ РУССКИЙ БЫТ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ С НАИМЕНОВАНИЯМИ ОРУДИЙ ТРУДА
И ПРЕДМЕТОВ ДОМАШНЕЙ УТВАРИ)

10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Тюмень – 2014

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет», на кафедре общего языкознания.

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент **Белякова Светлана Михайловна**

Официальные оппоненты:

Юздова Людмила Павловна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Челябинский государственный педагогический университет», кафедра русского языка, литературы и методики обучения русскому языку, литературе

Басова Лариса Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет», кафедра русского языка

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Защита состоится 3 июня 2014 года в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.09, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет», по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, (учебный корпус №1, ауд. 211).

С диссертацией можно ознакомиться на сайте и в информационно-библиотечном центре Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан 29 апреля 2014 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Рогачева Наталья Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование выполнено в рамках этнолингвистического направления языкознания и посвящено изучению языкового отражения традиционного быта русского народа в поговорках.

Вопрос о связи языка и народа – один из ключевых на протяжении всего существования науки о языке. Одним из первых вопросов о связи между этносом и его языком поставил В. Гумбольдт. Его идеи были продолжены в трудах исследователей – представителей неогумбольдтианства, среди которых работы американских ученых, развивающих гипотезу Сепира-Уорфа. Именно в трудах американских антропологов первой половины XX века – Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа – зародилось собственно этнолингвистическое направление языкознания.

Основы этнолингвистики в России заложили А.Н. Афанасьев (1826-1871), Д.К. Зеленин (1878-1954), Е.Ф. Карский (1861-1931), А.А. Потебня (1835-1891), А.И. Соболевский (1857-1929) и др.

Однако в славянской лингвистике данное направление получило широкое развитие сравнительно недавно – в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века. У ее истоков стояли такие этнолингвисты, как Н.И. и С.М. Толстые – основатели Московской этнолингвистической школы, и Е. Бартьминский – основатель Люблинской этнолингвистической школы. В настоящее время свой вклад в развитие этнолингвистики вносят С.М. Толстая, Е.Е. Левкиевская, А.С. Герд, С.Ю. Неклюдов, М.И. Исаев, Е.Л. Березович, С.М. Белякова, С.Е. Никитина и др.

Когда мы говорим о связи языка и народа, то в первую очередь подразумеваем связь языка с культурой этого народа – материальной и духовной. Наша работа посвящена изучению традиционной бытовой культуры русских в ее языковом отражении в сознании носителей языка в двух временных срезах: дореволюционном и современном. Поскольку данные временные срезы разделяет промежуток почти в сто лет, мы считаем

важным проследить, какие изменения претерпело языковое восприятие традиционной русской бытовой культуры за это время.

В современном российском обществе имеют место две противоположные, но при этом взаимообусловленные тенденции. С одной стороны, идет процесс интеграции России в мировое и, в частности, западноевропейское общественно-политическое и экономическое пространство, что, в свою очередь, приводит к широкому заимствованию русской культурой элементов так называемой «западной» культуры. С другой стороны, как реакция на «засилье» западных культурных ценностей, среди отдельных групп населения пробуждается интерес к исконной русской культуре, к своим корням.

Все это делает актуальными исследования, посвященные изучению традиционной русской культуры, в том числе – сквозь призму ее языкового отражения. **Актуальность** настоящей работы связана с тем, что в ней комплексно исследуется как традиционное восприятие исконного русского быта, зафиксированное в паремиях, так и современный контекст его языкового осмысления. Полученные результаты важны и для реконструкции традиционной картины мира, и для изучения ее современных трансформаций.

Итак, **целью** нашей работы является исследование своеобразия языкового отражения традиционного быта русского народа в паремиях, а также выявление изменений, которые это отражение претерпело с течением лет.

Для реализации указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Сформировать научно-теоретическую базу исследования.
2. Произвести сбор материала, отражающего два временных среза: дореволюционный – паремии, содержащие компоненты-наименования «орудие труда» и «предмет домашней утвари»; и современный – ассоциативные поля, возникающие вокруг лексем

тематических групп «Орудие труда» и «Предмет домашней утвари» в сознании носителей языка.

3. Проанализировать входящие в состав паремий компоненты-наименования в семантико-семиотическом аспекте: с точки зрения их знаковых функций, а также с позиции системных отношений (парадигматических и синтагматических связей) между ними, получающих актуализацию в контексте пословиц и поговорок.
4. Исследовать входящие в состав паремий компоненты-наименования в семантико-синтаксическом аспекте: выявить их синтаксические функции, а также роль этих функций в отражении языкового восприятия предметов, названных анализируемыми лексемами.
5. Изучить лексический состав полученных в ходе эксперимента ассоциативных полей и определить, какие характеристики названных исследуемыми лексемами предметов актуальны для современных носителей языка и существует ли отнесенность их к выявленным в процессе работы над пословичным материалом бинарным оппозициям.
6. Выяснить, насколько широко анализируемые лексемы представлены в контексте устойчивых выражений современного русского языка и какие виды реакций (устойчивых выражений) преобладают в ходе эксперимента с разными лексемами-стимулами.
7. Сопоставить данные, полученные в результате анализа материала двух временных срезов, и выяснить, какие изменения претерпело языковое восприятие предметов традиционной русской культуры за прошедшее столетие, какие черты языковой картины мира были утрачены, какие – актуализированы.

Исходя из поставленных цели и задач, которые, в частности, предполагают изучение языкового материала в двух временных срезах, мы использовали два основных **источника** информации: во-первых, это словари

пословиц и поговорок (В.И. Даль «Пословицы русского народа»¹, В.П. Жуков «Словарь русских пословиц и поговорок»², В.И. Зимин «Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь»³, В.М. Мокиенко «Школьный словарь живых русских пословиц»⁴), а, во-вторых, данные ассоциативного эксперимента. Оба указанных источника позволили нам получить культурно маркированный материал, являющийся ярким отражением языкового сознания: в первом случае – представителя традиционной культуры, во втором – современной.

Итак, **материалом** для первых двух глав настоящей работы послужили паремии, содержащие в своем составе компоненты-наименования «орудие труда» и «предмет домашней утвари». По отношению к паремиям материал для третьей главы исследования – ассоциативные семантические поля – является вторичным, так как схема его получения была такова: из пословиц и поговорок были извлечены лексемы-наименования, которые затем были предложены информантам с целью выявления ассоциативных реакций.

Объектом исследования в нашей работе стали лексемы двух лексико-тематических групп, называющих две важные сферы материальной культуры русских, – «Орудие труда» и «Предмет домашней утвари». Данные лексемы в количестве 164 единиц были выделены на основе их функционирования в контексте 1230 паремий (из них 1040 – из словаря В.И. Даля и 190 – из других источников). Выбор пословиц и поговорок в качестве ключевого материала, на котором преимущественно и основано наше исследование, был обусловлен особым семиотическим статусом, который указанные лексемы приобретают в составе паремиологических единиц.

¹ Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. - 614 с.

² Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. - М.: Рус. яз., 2000. - 544 с.

³ Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь / В.А. Зимин, А.С. Спирин. - Ростов н/Д.: Феникс, 2008. - 590 с.

⁴ Мокиенко, В.М. Школьный словарь живых русских пословиц / В.М. Мокиенко. - СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. - 352 с.

Предмет нашего исследования – ментальные представления о названных анализируемыми лексемами артефактах, получающие актуализацию в контексте паремий и ассоциативных семантических полей.

Основным **методом** нашего **исследования** стал *описательный метод*. Данный метод включает в себя различные конкретные методики и приемы лингвистического анализа. В частности, нами были использованы *метод компонентного анализа, метод контекстного анализа, метод лингвокультурологического комментария*, а также *прием количественного изучения* (количественных подсчетов), *приемы наблюдения, интерпретации, классификации, сравнения, систематизации*. Для сбора материала мы использовали *метод сплошной выборки*. Для получения источника материала в третьей главе нашего исследования нами были применены *экспериментальные методы*: в частности, *метод свободного и заданного ассоциативного эксперимента* и *метод семантического дифференциала* Ч. Осгуда, подробно описанные в §2 теоретической части Главы 3.

Методологической основой и теоретической базой нашего диссертационного исследования послужили постулаты Московской этнолингвистической школы, теория структурной паремиологии Г.Л. Пермякова и теория семантического синтаксиса (развиваемая, в частности, в работах Г.А. Золотовой, Т.В. Шмелевой и др. современных синтаксистов), а также методология экспериментальной лингвистики.

Научную **новизну** работы обусловили следующие аспекты.

Во-первых, новизной характеризуется анализируемый материал, который отражает два хронологических культурно-языковых среза: паремии с компонентами-наименованиями «орудие труда» и «предмет домашней утвари», ранее не привлекавшиеся для исследований подобного рода, и ассоциативные поля, полученные в результате представления указанных наименований в качестве стимулов в серии лингвистических экспериментов.

Во-вторых, сопоставительный анализ полученных данных, относящихся к разным временным срезам, позволяет выявить изменения,

которые претерпело языковое отражение традиционной материальной культуры (на примере сфер «Орудие труда» и «Предмет домашней утвари»), и сделать ряд выводов, касающихся корректировки фокуса восприятия наименований предметов.

В-третьих, в работе впервые применен комплексный анализ функций, которые компоненты-наименования «орудие труда» и «предмет домашней утвари» выполняют в контексте паремий, включающий в себя исследование семантических, семиотических и синтаксических особенностей функционирования указанных компонентов в составе пословиц и поговорок.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что полученные в ходе работы результаты вносят определенный вклад в изучение языкового отражения традиционной русской бытовой культуры в синхроническом и диахроническом аспектах. Кроме того, разработанная методика комплексного анализа компонентов-наименований «орудие труда» и «предмет домашней утвари» может быть использована при анализе других культурно значимых составляющих устойчивых выражений.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные в результате исследования данные могут быть применены при разработке теоретических и практических курсов, а также спецкурсов по этнолингвистике, лингвокультурологии и психоллингвистике. Результаты ассоциативного эксперимента могут быть учтены при составлении ассоциативных словарей, а результаты анализа значений компонентов-наименований «орудие труда» и «предмет домашней утвари» в контексте паремий – при подготовке различных глоссариев по константам русской культуры.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Паремия, будучи фольклорным жанром, представляет собой семиотически нагруженный контекст, функционируя в котором компоненты-наименования «орудие труда» и «предмет домашней

утвари» приобретают высокий семиотический статус, позволяющий им выступать в качестве знака самой вещи, реалий, а также связанных с данной вещью ментальных представлений.

2. Между компонентами-наименованиями могут возникать системные отношения, которые реализуют себя как в контексте одной пословицы, так и в поле ряда пословиц. Анализируемые лексемы способны входить в двух- (реже – трех-) частные оппозиции, отражающие категориальное членение мира человеческим сознанием, в частности: небесное/земное/инфернальное, мужское/женское, свое/чужое, старое/новое и т.д.
3. Анализ компонентов-наименований с точки зрения их синтаксических функций в контексте паремий показал, что в пословицах и поговорках указанные лексемы могут занимать все семантико-синтаксические позиции – субъекта, объекта, предиката и сирконстанта, что кардинальным образом отличает их от немаркированного, повседневного языкового употребления.
4. Выбор той или иной синтаксической позиции зачастую обусловлен не столько лексическим (денотативным, словарным) значением лексемы, сколько ее языковыми коннотациями – оценкой и отношением говорящего (в нашем случае – оценкой и отношением, свойственными традиционному языковому сознанию).
5. В современном языковом сознании сохраняется определенная доля представлений о названных анализируемыми лексемами предметах. В частности, это касается сферы их использования, соотносительности с другими предметами, функционирующими в данной сфере, а также связанных с предметами мифологических представлений. В то же время утрачивается сакральное (знаковое) восприятие бытовых предметов и категориальное деление мира, свойственные традиционному сознанию.

6. Языковое сознание современного носителя языка присваивает наименованиям различных бытовых предметов культурную маркированность, что подтверждается широтой ассоциативного поля устойчивых выражений, данных в качестве реакций на анализируемые лексемы.

Работа была **апробирована** на Международной научной конференции «Экология языка на перекрёстке наук» (г. Тюмень, 17-19 ноября 2011 года; г. Тюмень, 17-19 ноября 2012 года), Международной школе-конференции «Фольклористика и культурная антропология сегодня» (Москва – Переславль-Залесский, 27 апреля – 2 мая 2012 года), Международной научной конференции «Православие и российская культура: прошлое и современность» (Тобольск – Тюмень, 24-25 мая 2012 года), а также на заседаниях кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета.

Основное содержание диссертации отражено в 12 **публикациях**, в том числе в 3 публикациях в рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК.

Цель и задачи исследования, а также специфика материала обусловили следующую **структуру работы**. Диссертация общим объемом 247 (290) страниц состоит из Введения, трех глав, каждая из которых включает теоретическую и практическую части, Заключение, Списка использованной литературы из 272 наименований и пяти приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, ставятся цель и задачи работы, характеризуются источники и материал, а также методы анализа материала, выделяются объект и предмет изучения, определяется научная новизна, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту, дается характеристика общей структуры работы.

Глава 1. «Материальная культура русских в традиционной языковой картине мира: семантико-семиотический аспект» посвящена изучению особенностей восприятия исконного русского быта традиционным носителем языка.

В разделе **1.1. «Языковая картина мира в свете этнолингвистики и семиотики. Паремия как источник этнолингвистической информации»** мы характеризуем основные теоретические проблемы, с разработкой которых связано наше исследование. В **§1. «Языковая картина мира»** раскрываются основные понятия, связанные с терминами «картина мира» и «языковая картина мира». Делается акцент на том, что, несмотря на существование различных подтипов языковых картин мира, любая из них носит этнокультурный характер, что позволяет изучать феномен картины мира в рамках этнолингвистического направления языкознания. В связи с этим рассматриваются такие понятия, как «этноязыковое сознание», «традиционное языковое сознание».

В **§2. «Фольклор как источник этнолингвистической информации»** говорится о месте и роли фольклора и фольклорного текста как материала исследования различных наук и, в частности, этнолингвистики. В качестве одного из жанров фольклора выделяются паремии, которые представляют собой единство этнографической, фольклорной и лингвистической природы и включают в себя поговорки, пословицы, побасенки и т.п. Дается краткая характеристика паремии и обоснование каждого из аспектов ее функционирования. Кроме того, в соответствии с теорией Г.Л. Пермякова⁵, делается акцент на семиотической природе паремий, которые выступают в качестве знака определенной ситуации или отношений между вещами.

В связи с этим в **§3. «О связи этнолингвистики и семиотики»** перечисляются объединяющие обе науки факторы. В частности, указывается на методологическую связь этнолингвистики с идеями и методами семиотики.

⁵ Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. - М.: Наука, 1988. - 237 с.

В §4. *«Вещь как объект изучения этнолингвистики и семиотики. Понятие “семиотического статуса” вещи»* указывается на значимость той роли, которую в любой культуре играет предметный, вещный мир. Рассматриваются две основные функции вещи – утилитарная и сакральная, а также введенное А.К. Байбуриным понятие «семиотического статуса» вещи⁶.

Раздел 1.2. *«Семантико-семиотические функции компонентов-наименований “орудие труда” и “предмет домашней утвари” в контексте паремий»* включает в себя четыре параграфа, в каждом из которых рассматриваются особенности проявления знаковой природы входящих в состав паремий компонентов-наименований.

В §1. *«Наименование вещи как знак самой вещи»* анализируется, какие реальные функции, характеристики и свойства названных предметов получают актуализацию в контексте пословиц и поговорок. В большинстве случаев в сочетании с наименованиями предметов традиционного крестьянского быта используются глаголы, значение которых актуализирует основную функцию указанных предметов – инструментальную, например: *Рубить семерым, а топор один; Иглою шьют, чашей пьют, а плетью бьют; Если пахать плугом, земля станет лугом; Твоим языком, как цепом, снопы молотить; Этого братца и в ступе пестом не утолчешь; Не домнешь мялкой, так не возьмешь и прялкой.* Наименования предметов, играющих наиболее важную роль в жизни русского крестьянина, сочетаются в контексте паремий с такими аксиологически значимыми глаголами, как «кормить» и «одевать»: *Соха кормит, веретено одевает, а подати на стороне; Жернова сами не едят, а людей кормят; Топор одевает, топор обувает.*

Указание на использование предмета в несвойственной ему функции, как правило, призвано усилить общую экспрессивную окраску пословицы:

⁶ Байбурин, А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей / А.К. Байбурин // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. - Л.: Наука, 1988. - С. 63-87.

Хоть долото, да рыбу удит; С медом и долото проглотить; Решетом в воде звезд ловить.

В отличие от функций, которые, за редким исключением, обусловлены повседневным использованием вещей, среди качеств, возникающих в связи с образами тех или иных предметов в контексте паремий, актуализируются также и «негативные», т.е. те, которые мешают им выполнять свое бытовое предназначение, например, *тупой, кривой: Тупым ножом скорее обрежешься; У плохого мастера и пила тупа; Кривое веретено не надежда.* Среди других характеристик, получающих актуализацию в контексте пословиц и поговорок, можно отметить характеристики по размеру (*Хороша кашка, да мала чашка*), материалу (*Одной глины горшки*), весу (*Силен бес и горами качает, а людьми, что вениками, трясет*), содержимому или объекту воздействия (*Утопить горе в стакане вина; Отмежуем землю тебе лопатой*), внешнему виду и устройству (*Человек не бочка, по ладам не соберешь, обручами не свяжешь*). Выбор тех или иных характеристик, как правило, обусловлен контекстом, а также желанием говорящего выразить то или иное отношение к описываемой ситуации – т.е. дать ей ту или иную оценку. Именно оценочность во многом определяет актуализацию реальных или метафорических (которые, однако, тоже воспринимаются как реальные и потенциальные) свойств названных анализируемыми наименованиями предметов.

В §2. **«Наименование предмета как знак реалии (бытовой, исторической, обрядовой)»** рассматриваются случаи, когда наименование предмета служит указанием на связанную с предметом ситуацию. Среди бытовых реалий жизни русского человека, которые нашли отражение в рассмотренных нами пословицах, надо отметить ситуации, связанные с земледелием и сельскохозяйственными работами: *С косой в руках погоды не ждать; Коса ударила – корова убавила* (с начала сенокоса удои начинают убывать); *Не топор кормит мужика, а июльская работа.* В связи с образами *лопаты, ложки* в пословицах возникает ситуация обеда: *Лопата спела – обед*

поспел; Дорога ложка к обеду, а там хоть под лавку. Лексемы колочек, чашка, ложка, ендова актуализируют в паремиях ситуацию принятия гостей: Распояшьтесь, дорогие гости, а кушаки по колочкам; Без чашки бражки – гость гложит кость; На незваного гостя не припасена и ложка; В поле враг, дома гость: садись под святые, починай ендову.

Наименования некоторых предметов могут отсылать к историческим событиям. Так, образ *вил* связывается с Отечественной войной 1812 года: *На француза и вилы ружье; Докалывай француза вилами.*

В случае с наименованиями ряда предметов находит отражение ситуация их обрядового использования: *Кто хочет кашу есть, тот выкупи ложку* (традиция крестильного обряда); *Насыпь по край мукой, так и горшок твой* (отражен обычай покупать горшки в обмен на насыпанную в них муку).

Использование наименований предметов в качестве знака ситуации обусловлено важностью роли, которую в ней играл тот или иной предмет. Отдельные лексемы используются в контексте таких «ситуативных» паремий благодаря характеристикам названных ими предметов.

В §3. **«Наименование как знак представлений о предмете (как символ)»** рассматривается использование наименования предмета в качестве знака представлений, сложившихся о нем в народном сознании.

В §3.1. **«Наименование предмета как символ работы»** анализируются те паремии, где нашло отражение восприятие отдельных наименований в качестве символа работы. В частности, в качестве символа работы в целом выступают такие лексемы, как *соха, серп, цеп* и др., например: *От сохи не будешь богат, а будешь горбат; В поле серпом да вилой, так и дома ножом да вилкой; Мужика не шуба греет, а цеп.* Сельскохозяйственные работы символизируют лексемы *борона, молотило* и т.д., работы по изготовлению одежды – лексемы *игла, веретено, мотовило*: *Иглою да бороной деревня стоит; Подержись за мотовило, подержись за молотило, а дудка сама придет; Наша невеста не гусей пасла, а веретеном трясла.*

Наименования определенных предметов могут также служить символом занятий, дифференцированных по гендерному признаку. Так, лексемы *веретено*, *горшок*, *прялка* и др. являются символами женского занятия (*Всякий дом большею частью прост, а горшок большухой; Знай, баба, гребень да кривое веретено!*), а лексемы *топор*, *соха* – символами мужского занятия (*Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь; Мужу – соха, жене – кросна*).

Выступая в качестве символа работы в целом или символизируя собой отдельные виды работ, анализируемые лексемы в контексте пословиц противопоставляются наименованиям других предметов, функционирующих в качестве символов военного дела, отдыха, веселья, умственной, бумажной работы, пустых разговоров: *Покинь молотило, возьми дудку! Не спеши языком, торопись кочедыком*. В ряде случаев они могут не противопоставляться, а сопоставляться: *Перо в суде – что топор в лесу; Вертит пером, что веретеном*.

Наименования отдельных предметов могут функционировать в одном контексте с наименованиями мастеров или простых людей, занимающихся каким-либо связанным с предметом делом: *В доме гончара нет приличной посуды; Портной и на концах ножниц украдет; Без ложки и добрый едок станет*.

Частотность использования компонентов-наименований «орудие труда» и «предмет домашней утвари» в качестве символа работы и различных видов труда во многом обусловлена их лексическим значением и принадлежностью называемых ими предметов к крестьянской жизни, заполненной различными, четко дифференцированными, трудовыми обязанностями.

В §3.2. «Категориальная отнесенность предметов» анализируется отражение в рамках паремий категориального членения мира – на свое/чужое, старое/новое, небесное/земное/инфернальное, внешнее/внутреннее и т.д., а также языковая актуализация принадлежности

различных предметов к тем или иным категориям. Одной из наиболее значимых категориальных оппозиций является оппозиция небесное/земное/инфернальное.

Так, в сфере небесного получают актуализацию лексемы *топор*, *соха*, *метла*, *лукошко*, *кота* (*Кабы Бог не дал топора, так бы топиться давно пора; С белянкой котомкой Христос по пути*). Исключительно к сфере земного относятся лексемы *горшок*, *борона*, *лопата*, *пест*, *квашня* (*Не годится Богу молиться, годится горшки покрывать; Глупая баба и песту молится; Молитвой квашни не растворишь*).

Наибольшее количество лексем актуализирует принадлежность называемых ими предметов к миру инфернального. Данный образ создается при помощи нескольких способов:

1. Через указание на связь предмета с образом черта, ведьмы: *Пошел черт по бочкам – быть попойкам; Ведьма в ступе едет, пестом упирает, помелом след замечает*.

2. Через отсылку к загробной участи (наказанию за грехи в аду): *И в аду хорошо заступничество: ину пору хоть кочергой, вместо вил, подсадят, все легче; Клеветники на том свете раскаленные сковороды лижут*.

3. При помощи противопоставления христианским артефактам (свече, кресту): *Богу свечу, а черту ожиг; Говорит крестом, а глядит пестом*.

Значимой категорией является также оппозиция свое/чужое, при этом преобладают наименования, актуализирующие принадлежность к категории «свое»: *Ладно со своей ложкой да по чужим обедам; Всякий старец в свой ставец; По гостям таскается, своя квашня забывается*. Актуализация категории «чужое» связана, прежде всего, с образом чужой стороны, которая сравнивается с такими предметами, как *помело*, *веник*, *решето* (принадлежащими, как было отмечено, к миру инфернального).

В §3.3. «Предмет как символ человека» рассматривается, как наименования различных предметов участвуют в создании образа человека:

его личностных характеристик, социальной, родственной или гендерной принадлежность и т.п.

Указание на личностные характеристики человека происходит за счет изображения абсурдных действий (*На обухе рожь молотит, зерна не уронит – скупой; Бороной ворота запирает – неграмотный*), а также при помощи сравнения с различными предметами частей тела человека или всего человека в целом (*голова, что чан – глупый; прям, что кочерга – лукавый; языком, что рогачом – злоречивый*). В последнем случае актуализируются различные свойства предметов (например, кривизна кочерги, способность рогача нанести вред и т.п.).

Наименования определенных предметов могут соотноситься с различными социальными категориями людей. Использование лексем *кочедык, цеп, долото, котёл, бороздило* создает образ мужика, который характеризуется трудолюбием (*Мужик кочедыком, а чистоплюйка языком*) и грубостью (*Мужика в котле семь лет варить*). С образом солдата соотносятся наименования таких предметов, как *долото, шило, котёл* (*В животе солдата долото сгниет; У солдата шило бреет, а шубы нет, так палка греет*). Они, в свою очередь, создают образ предприимчивого, приспособляющегося к любым условиям человека. При помощи наименований таких предметов, как *блюдо, тарелка*, создается образ дворян, в котором актуализируется изысканность жизни, а также характер питания (*Дворянское кушанье – два грибка на тарелочке*).

Наименования некоторых предметов в контексте пословиц коррелируют с наименованиями различных родственных отношений. Так, лексемы *блюдо, решето, кубышка, латка* связываются с образом кума/кумы (*За спесивым кумом не находишься с блюдом; Кума к куме – хоть в решете, да приплывет*), лексемы *чарка, скляница, мутовка* – с образом свата/свахи (*На свадьбе свату первая чарка, а в жизни первая палка; Сваха на свадьбу спешила, на мутовке рубаху сшила*). В целом мотив теплоты родственных

чувств создается за счет использования предмета в несвойственной ему функции (в решете – приплывет).

Важное место в пословицах занимает сопоставление наименований различных бытовых предметов с образом женщины (при этом для создания мужского образа (за исключением мужской работы) наименования предметов не используются), например, с метлой (*Хорошая жена метла, и худая метла*), со стеклянной посудой (*Стеклянную посуду береги, что девуку: расшибешь – не починишь*), с горшком (*Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, он пуще кипит*).

Образы некоторых предметов могут актуализировать в языке пословиц и поговорок образы частей тела человека: наименования частей тела могут сравниваться с наименованиями орудий труда и бытовых предметов (*Руки, что грабли; Рот, что скребок: все подберет*); наименования частей тела человека возникают в контексте паремий в связи со способностью ряда предметов оказывать физическое воздействие (в данном случае используются, как правило, наименования наиболее уязвимых или жизненно важных частей тела) (*Как серпом по шее; Хоть иглой в глаза, не выщербить*); с наименованиями некоторых предметов связаны образы частей тела, выполняющих ту же, что и предмет, функцию или участвующих в одном и том же действии (например, в принятии пищи, в работе и т.п.) (*Покуда цеп в руках, потуда и хлеб в зубах; Своя котомка плеч не режет*).

Перечисленные выше факты свидетельствуют о значительной доле антропоморфизма, присущего традиционному сознанию в восприятии окружающего мира.

В §3.4. «Наименование предмета как репрезентант ключевых идей русской языковой картины мира» рассматривается ряд абстрактных понятий и категорий, на которые также могут указывать наименования предметов. В частности, это касается понятия «злой доли» (*Пить горькую чашу; Наше счастье – решето дырявое; Знать, по судьбе нашей бороной прошли*); понятий «обмана, вымысла, клеветы» (*Показать Москву в решето; Это*

вилами писано, да еще и на воде; Посулы на золотом блюде); образов речи, языка, слова (Слово по слову, что на лопате подает; У него вехотка во рту); смерти (На старого Потана выросла лопата; Сыграть в ящик); образа пьянства (Как вехотка насосался; Стаканчики да рюмочки доведут до сумочки).

В §4. «Компоненты-наименования “орудие труда” и “предмет домашней утвари” в рамках системных отношений в лексике русского языка» предпринимается попытка осмысления функционирования анализируемых лексем с позиции системных отношений между ними. В рамках парадигматических отношений выделяются квазисинонимические и квазиантонимические отношения, которые выражаются при помощи союзов (Разлучит нас **заступ** да **лопата**; Либо каши **горшок**, либо **рогача** в бок), лексически (Воду **ушатом**, вино **чарой**), при помощи структурно-смыслового параллелизма (Без **топора** не плотник, без **иглы** не портной; После **скобеля топором**, после полотенчика онучей), при помощи подтекста (**Соха** ябедница, **борона** праведница (ирон.); **Бритва** бреет, и **коса** бреет), через употребление в одной и той же смысловой и синтаксической позиции в паремии (только для квазисинонимических отношений) (**Гвоздем (Шилом) моря не нагреешь**).

Основанием для сопоставления наименований предметов могут выступать выполняемая ими функция, внешний вид названных предметов, воздействие, которое они оказывают на человека, ценность и символическое значение, которым они наделяются.

В отличие от парадигматических отношений, в которые вступают предметы, функционирующие «параллельно», синтагматические отношения характеризуются сосуществованием предметов или их соучастием в определенных процессах. Мы выделили три степени возможной близости между этими предметами (по убыванию): существуют и функционируют совместно (топор – топорище: *Дал топор, дай же и топорище!* ступа – пест: *Всякий пест знай свою ступу!*); один предмет подчиняет себе другой (молот

→ наковальня: *От молота и наковальня звенит*); совместно участвуют в определенном процессе (горшок – чашка – бочка: *В горшке пиво запарили, а в чашке развели, да после сорок бочек навели*). Два основных способа, при помощи которых в пословицах и поговорках актуализируются указанные виды синтагматических отношений, – это использование предложно-падежных форм и актуализация непосредственно через структуру пословицы.

В Главе 2. «Семантико-синтаксические функции компонентов-наименований “орудие труда” и “предмет домашней утвари” в контексте паремий» мы обращаемся к еще одному возможному аспекту изучения анализируемых компонентов-наименований – синтаксическому.

В связи с этим в разделе 2.1. «Паремия как лингвистическая единица» раскрываются основные теоретические положения, касающиеся, во-первых, места паремий в общей системе языка, а, во-вторых, компонентного строения и семантико-синтаксической структуры предложения.

В §1. «Паремия как единица языка» рассматриваются такие понятия, как «языковая единица», «языковое клише», «языковой уровень». При этом подчеркивается, что паремия представляет собой клише особого рода, которое отличается от других видов клише рядом особенностей: они представляют собой тексты, ситуативны, обладают темой и тремя автономными структурными планами – лингвистическим, логическим и планом реалий. Кроме того, им, как и всем языковым единицам, присуще вариантно-инвариантное устройство.

В §2. «Композиционное строение паремии в свете структурно-семантического синтаксиса» рассматриваются синтаксические особенности функционирования паремий и составляющих их компонентов. В §2.1. «Паремия как единица синтаксиса» делается акцент на формальном строении паремий, которые, как правило, представляют собой предложения с открытой или закрытой структурой. Также указывается на взаимосвязанность

экстралингвистической ситуации (коммуникативной ситуации, в которой используется поговорка) и ситуации, непосредственно в ней изображенной. В §2.2. «Компонентный состав поговорок с позиции структурно-семантического членения предложения» дается краткий комментарий относительно истории возникновения идей семантического синтаксиса, приводится ряд классификаций компонентов, составляющих семантико-синтаксическую структуру предложения.

Раздел 2.2. «Семантико-синтаксические роли компонентов-наименований “орудие труда” и “предмет домашней утвари” в контексте поговорок» посвящен анализу компонентов-наименований с позиции выполняемых ими в структуре поговорок функций. Данное исследование возможно благодаря тому, что в контексте поговорок и пословиц находит отражение в значительной степени мифологизированное восприятие функционирования бытовых предметов в традиционном русском быте. Это, в свою очередь, приводит к использованию лексем со значением конкретных предметов в самых различных синтаксических позициях.

В §1. «Компоненты-наименования “орудие труда” и “предмет домашней утвари” в семантико-синтаксической функции субъекта» анализируются компоненты-наименования, занимающие в структуре поговорок позицию субъекта. При этом выделяется несколько особо значимых субъектных позиций: субъект действия, экзистенциальный субъект, субъект характеристики. Данные позиции наиболее характерны для лексем тематических подгрупп «Орудие для обработки земли»: *Плуг кормит, а лук портит; Ни уса, ни бороды, ни сохи, ни бороны*; «Орудие для обработки льна и изготовления ткани»: *Девку веретено одевает; Гребень (Прялка) не бог, а рубаху дает*; «Орудие для обмолота зерен»: *Добрый жёрнов все смелет, плохой сам смелется*; лексем *топор* (*Топор своего дорубится; Есть и топорище, да нет топоришка; Топор кормилец*), инструмент (*У немца на все инструмент есть*) и др. Данные субъектные позиции позволяют создать

образ предмета, «живущего» своей собственной, независимой от человека, жизнью.

С другой стороны, использование лексем, называющих предметы с низким аксиологическим статусом, в значимых субъектных позициях приводит к созданию иронического эффекта (*Его вылечит заступ да могила*), а в случае с отрицательным значением (отсутствием данного предмета в определенной ситуации) – создает образ абсолютной нищеты, крайне бедственного положения (*Ни ложки, ни плошки в доме*).

Функционируя в других субъектных позициях – например, обстоятельственного субъекта (*И в богатом доме нечистая посуда есть*), субъекта признака (*Из одного дерева икона и лопата, Нож тупой – хозяин плохой*), – компоненты-наименования актуализируют типичные для названного предмета ситуации использования или свойства.

Для компонентов-наименований «предмет домашней утвари» субъектная позиция менее характерна, чем для наименований орудий труда. Наиболее частотна функция экзистенциального субъекта, что указывает на значимость наличия названных предметов в быту (*Что старец, то и ставец; Была б мука да сито, и сама б я была сыта*). Широко представлены субъектные роли для наименований различных емкостей для напитков, в частности, алкоголя, функционирование которых в позиции «активного» субъекта обусловлено значительной силой их воздействия на человека (*Его чарка бьет; Чужая чарочка – каток, так и катится в роток*).

В §2. «Компоненты-наименования “орудие труда” и “предмет домашней утвари” в семантико-синтаксической функции объекта» анализируются объектные значения рассматриваемых лексем.

Объектная позиция наиболее свойственна собственному лексическому значению анализируемых компонентов-наименований. Чаще всего лексемы всех выделенных тематических групп функционируют в значении «пассивного», т.е. прямого, объекта: *Было бы поле, найдем и сошку; Чужое*

веретенце бери, да свое припаси; Чистую посуду легко и полоскать; Это не мутовку облизать.

Для аксиологически значимых лексем (таких как *соха, борона, топор, ложка, инструмент* и др.) характерной также является позиция сопутствующего объекта – совершающего действие совместно с субъектом (который зачастую прямо не выражен): *Один с сошкой, а семеро с ложкой; С топором весь свет пройдешь; Всей удали у него, что с ложкой потеть.* Кроме того, позицию сопутствующего объекта занимают лексемы, называющие различные предметы посуды, например, *чашка, ставец, чара* и др.: *Со ставцем на мосту сидеть; Моя-то доля с чашкой в поле* и т.п.

Для ряда лексем (причем не только для наименований инструментов) значимой является позиция объекта-орудия действия. Характерно, что данную позицию занимают также наименования различных бытовых предметов, в том числе посуды, которая тоже воспринимается как своеобразное орудие (например, *ставчиком, чарой, решетом, ложкой* и т.п.): *Мешками – на мельницу, а в избу, хоть ставчиком, да ежедень; Воду ушатом, вино чарой; Туман – хоть ложкой хлебай.*

В метафорическом значении анализируемые лексемы употребляются в качестве объекта-средства (например, *Топор на ногу обувал, топорищем подпоясывался; Веретенем оденусь, сохой укроюсь*) и объекта-средства передвижения (например, *решето* в пословице *Кум к куме хоть в решете, да приплывет*). Последняя функция особенно характерна для лексем, называющих различную посуду для еды – *блюдо, тарелка* и т.п.: *Принесли на тареле, да края обгорели.*

Семантико-синтаксической структуре пословиц свойственна также позиция объекта сравнения. Ее могут занимать лексемы, называющие различные бытовые предметы или орудия труда (например, *бритва, игла, ковш* и т.п.), актуализирующие при этом какие-либо значимые характеристики: *Язык острее иглы; Душа милее ковша.*

В §3. «Компоненты-наименования “орудие труда” и “предмет домашней утвари” в семантико-синтаксической функции предиката и сирконстанта» анализируются особенности функционирования рассматриваемых лексем в позиции предиката и сирконстанта.

Анализируемые лексемы, как правило, выступают в качестве предиката по отношению к субъекту, называющему человека, или части его тела, или его душевные характеристики и т.п.: *Крестьянское горло – суконное бёрдо: все мнет; Нос крючком, борода клочком; Баба не квашня, встала да и пошла.* В отличие от активной субъектной позиции, функция предиката наделяет лексему негативными коннотациями и придает называемому ей предмету низкий аксиологический статус.

Кроме того, наименования бытовых предметов и орудий труда могут выражать предикативный признак по отношению к субъекту, выраженному абстрактным существительным, например, *грамота, отказ, слово, молитва, дом* (в значении «хозяйство») и т.п.: *Грамота – не соха; Слово не нож, а до ножа доводит; Дом – полная чаша.*

Что касается обстоятельственных значений, то наиболее частотной для всех тематических групп лексем является позиция обстоятельства места. Функционирование лексем в этом значении обусловлено, в первую очередь, бытовым использованием называемых ими предметов. Так, *стан* – не просто орудие, но еще и определенное место, куда может сесть пряха. В случае с другими предметами, такими как *трепало, бёрдо* и т.п., хотя предмет и не представляет собой пространство, куда можно поместить человека, но, тем не менее, он являет собой место, где может быть размещен другой, меньший по размеру, предмет: *На наше трепало что б ни попало – все мнет; Быстрая вошка первая попадает на гребешок.*

Обстоятельственное значение места для таких лексем, как *гвоздь, крюк, спичка, колочек* и т.п., обусловлено их бытовым использованием: они функционируют в качестве приспособления, куда можно что-либо повесить

(На одном гвозде всего не повесишь; Хозяин на куту, а ружье на крюку; Нашел шапку на колочке).

Наиболее характерно значение обстоятельства места для лексем тематической подгруппы «Посуда», а также для лексем, называющих различные емкости, т.к. они представляют собой предметы, внутри которых что-либо может быть размещено: *В малой посуде все кажется крупнее; Поросянок только на блюде не хрюкнет.*

В ряде случаев использование анализируемых лексем в позиции обстоятельства места приобретает иронический оттенок, поскольку в реальной жизни данный предмет (например, *мутовка*) в такой функции не используется: *Словно на мутовке сидит.*

Среди других обстоятельственных значений, которые принимают компоненты-наименования в контексте паремий, можно отметить значения причины, образа действия, времени.

Обстоятельственное значение причины характерно для лексем с высоким аксиологическим статусом, называющих предметы, занимающие важное место и требующие большого количества времени в жизнедеятельности человека. Среди таких предметов, например, – *соха, топор, ендова* (как символ алкоголя и пьянства): *От сохи не будешь богат, а будешь горбат; От топора щепки летят, подати оплачивают; Иное от книг, иное от ендовы.*

Использование отдельных наименований предметов в качестве обстоятельства образа действия обусловлено, как правило, особенностями внешнего вида и устройства предмета, причем зачастую конкретные признаки предметов переносятся на абстрактные ситуации: *Стричь всех под одну гребенку; Ковать на четыре молота; У него по ножу ходи, строг; Пыль столбом, дым коромыслом; а изба не топлёна, не метёна.*

Обстоятельственное значение времени характерно для лексем, называющих предметы, использование которых так или иначе связано с определенным периодом (сезоном года) или ограничено определенным

сроком службы и т.п. (например, *коса, веник, прялка, обух*): *С косой в руках погоды не ждать; Дам память, что до новых веников не забудет.*

Глава 3. «Традиционная бытовая культура в восприятии современного носителя языка» посвящена изучению особенностей восприятия традиционной бытовой культуры современным носителем языка. Данные получены в результате лингвистических экспериментов.

В разделе **3.1. «Эксперимент в языкознании: понятие, история возникновения, разновидности»** освещаются основные теоретические положения, связанные с экспериментом в языкознании.

В §1. **«Понятие эксперимента. Его роль в лингвистике, психолингвистике и этнолингвистике»** приводится ряд определений эксперимента, как общенаучных, так и собственно лингвистических. Рассматриваются три основных этапа в истории применения эксперимента в отечественном языкознании, а также наиболее частые доводы, приводимые как в защиту, так и для отрицания экспериментальной лингвистики.

В §2. **«Виды лингвистического эксперимента, используемые в работе»** рассматриваются два вида лингвистического эксперимента, которые применялись в нашем исследовании. Так, §2.1. **«Методика ассоциативного эксперимента»** посвящен подробному рассмотрению всех аспектов проведения ассоциативного эксперимента: начиная с параметров, которые должны быть учтены при выборе материала и респондентов, и заканчивая классификациями, которые могут быть применены при обработке результатов. Кроме того, подробно рассматривается терминология, которой исследователь оперирует в ходе анализа результатов ассоциативного эксперимента.

В §2.2. **«Метод семантического дифференциала»** рассматривается история возникновения данного метода, описывается процедура его проведения, а также указывается на ряд «подводных камней», с которыми исследователь может столкнуться при проведении эксперимента по методу семантического дифференциала.

В разделе **3.2. «Традиционная русская культура в современной языковой картине мира. Результаты эксперимента»** дается обширный и разносторонний анализ результатов, полученных в ходе серии проведенных лингвистических экспериментов.

В §1. *«Обоснование эксперимента»* доказывалась целесообразность и репрезентативность выбора различных параметров эксперимента.

Во-первых, приводится полный перечень испытуемых и обосновывается разбиение их на группы. Всего в эксперименте приняли участие около 200 человек в возрасте от 15 до 66 лет, среди которых школьники и студенты г. Тюмени, учащиеся медицинского колледжа, работники медицинской сферы и отдела внутренних дел г. Салехарда.

Во-вторых, аргументируется выбор трех заданий для эксперимента, каждое из которых было обусловлено особой целью, что, в свою очередь, повлияло на выбор конкретных экспериментальных методик.

В-третьих, обосновывается выбор лексем для каждого из заданий, обусловленный как частотностью их употребления в контексте паремий, так и спецификой используемой экспериментальной методики.

В §2. *«Лексемы “Орудие труда” и “Предмет домашней утвари” в ассоциативном семантическом поле современных носителей языка»* приводятся и обобщаются результаты, полученные в результате выполнения испытуемыми первого задания анкеты, в котором на 46 слов-стимулов было необходимо дать свободную ассоциацию. В качестве слов-стимулов были использованы лексемы, частотность употребления которых в составе анализируемых в первых двух главах паремий равнялась или превышала 10 случаев. Полученные ассоциации мы разделили на несколько видов:

1. Синтагматические ассоциации. Ассоциации данного вида, как правило, дают прямую характеристику слову-стимулу (*ведро – железное, полное; горшок – глиняный; гвоздь – ржавый* и т.п.).
2. Тематические ассоциации:

А. Ассоциации, характеризующие предмет, названный словом-стимулом, по присущим ему свойствам (например, по функции, материалу (если он, т.е. материал, назван существительным), составляющим его частям и т.п.). Данный вид ассоциаций близок по своему значению к синтагматическому (*сковорода – жарить, чугун; долото – долбить; ведро – дно; нож – лезвие*).

Б. Ассоциации, связанные с ментальными представлениями о стимуле, обусловленными его возможным использованием, местонахождением и т.п. (*соха – земля, поле; веретено – пряжа; веник – мусор*).

В. Ассоциации, в основе которых лежит сравнение реакции со стимулом (*ведро, корыто – лада, ВАЗ, приора; квашня – человек*).

3. Парадигматические ассоциации – названия других предметов (или обобщенное название класса предметов) (*ложка – вилка; веретено – прялка; кадка – бочка; кувшин – ваза*).

4. Цитатные ассоциации. К данному виду мы отнесли все ассоциации, возникшие в результате восприятия слова-стимула в качестве компонента фразеологизма, пословицы, загадки, сказки, литературного произведения и т.п. (*корыто – старуха; крюк – капитан; топор – «Преступление и наказание»*).

5. «Негативные» реакции:

А. Формальные (фонетические, словообразовательные и др.) ассоциации (*лукошко – окошко*).

Б. Ассоциации, полученные в результате полностью неверного понимания слова (например, в результате неправильного прочтения, без учета правил орфографии и т.п.) (*пест – палец*).

Лексемы, называющие предметы, активно используемые в жизни современного человека, вызывают, как правило, большое количество ассоциаций, характеризующих их внешний вид, функции, устройство. В

частности, это относится к таким лексемам, как *ведро, ложка, горшок, нож, иголка, сковорода*.

Лексемы, связанные с образами предметов, которые вышли из повседневного обихода, вызывают преимущественно тематические ассоциации, связанные со сферой их применения: *соха, борона* – образ земли, сельскохозяйственных работ, *веретено, шило* – образ швейных, портняжных или скорняжных работ, *корыто* – образ стирки, *котомка* – образ странника. При этом, однако, возможна и противоположная тенденция. Например, лексема *посуда*, будучи хотя и широкоупотребительной, но при этом называя некий обобщенный образ предмета, также преимущественно ассоциируется с какой-то одной сферой применения, в нашем случае – с мотивом мытья.

Ряд лексем актуализировал в процессе ассоциирования иные, не связанные с представлениями об орудии труда или бытовом предмете в его традиционном понимании, значения: *кузов (кузовок)* – часть машины, *помело* – фрукт, *коса* – женская прическа, *горшок* – для цветов или туалетный, *блюдо* – кушанье, *квашня* – человек или что-то кислое, и т.п.

Ряд лексем-стимулов обладает ярко выраженным ядром (ассоциацией, представленной какой-либо одной лексемой и давшей более 80 реакций). Среди них – *ведро* (вода - 97), *иголка* (нитка - 105), *вилы* (сено - 84), *гвоздь* (молоток - 84), *коромысло* (ведро - 82), *чашка* (чай - 83). При этом стимул и реакция называют либо пару «емкость и содержимое», либо орудие (субъект действия) и то, что при помощи этого орудия обрабатывают (объект воздействия), либо пару взаимодополняющих предметов.

Ассоциирование по типу «емкость и содержимое» или «орудие труда и объект воздействия» представлено в ассоциативном поле таких лексем, как *ведро, ложка, ковш, чарка, лукошко, решето, топор, лопата, пила* и др. А ассоциации на тему взаимодополняющих предметов имеют место в случае с такими лексемами, как *обух, топорщице* (топор), *веник* (совок), *молот* (серп, наковальня, гвозди) и т.д.

Парадигматические реакции, к которым относятся и случаи с взаимодополняющими парами предметов, представлены и наименованиями «равноправных» (взаимозаменяющих) предметов, например: *решето – сито, ложка – вилка, котомка – сумка*; а также *долото* – наименования других инструментов, *лукошко* – наименования других видов емкостей, *блюдо* – другие виды утвари и т.п.

Цитатные ассоциации, полученные в ходе эксперимента, можно разделить на 4 группы. Первую группу составили пословичные ассоциации на такие лексемы, как *шило, решето, иголка, обух, коса, помело, бочка*. Причем в случаях с лексемами *шило, бочка, помело, обух* указанный вид ассоциаций является центральной частью их ассоциативного поля: *шило – мыло (на мыло), бочка – дёгтя, помело – язык* и т.п.

Во вторую группу цитатных ассоциаций вошли «сказочные» ассоциации – реакции, вызванные связью какого-либо предмета с какой-либо сказкой. Данный вид реакций присутствует в ассоциативном поле лексем *веретено* («Спящая красавица»), *ступа* (сказки про Бабу-Ягу), *короб* («Маша и медведь», «Царевна-лягушка»), *крюк* («Питер Пэн»), *молот* (скандинавская мифология), *кувшин* («Лиса и Журавль», «Лягушки и кувшин», «Журавль и Цапля»). При этом для стимулов *ступа* и *крюк* «сказочные» ассоциации являются центральными.

К следующей группе мы отнесли «книжные» ассоциации – т.е. ассоциации с какими-либо литературными произведениями. Данный вид ассоциаций характерен для лексемы *корыто* – у подавляющего большинства испытуемых она ассоциируется с образами из «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина; и лексем *топор* и *обух* – у тюменских школьников и студентов данные лексемы ассоциируются с романом Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

И, наконец, последнюю группу цитатных ассоциаций составили реакции, связанные с образами из фильмов. В частности, данный вид ассоциаций характерен для лексем-стимулов *пила* и *крюк* (тюменские

школьники и студенты ассоциируют данные лексемы с фильмами ужасов «Пила» и «Кошмар на улице Вязов» соответственно).

«Инфернальные» ассоциации (*ведьма, чёрт, дьявол*) присутствуют в ассоциативном поле таких лексем, как *ступа, котёл, вилы, помело*, и соответствуют традиционным мифологическим представлениям об этих предметах.

Некоторые из лексем-стимулов отмечены подавляющим большинством «негативных» ассоциаций, в частности, это относится к таким лексемам, как *пест* и *мутовка*. Надо отметить, что современные носители языка почти полностью утратили представление о названных данными лексемами предметах.

В §3. «Актуализация бинарных характеристик предметов традиционного крестьянского быта в языковом сознании современных носителей языка» анализируются результаты, полученные во втором задании эксперимента, проведенном по методу семантического дифференциала. В этом задании испытуемым было необходимо оценить 10 лексем, отобранных нами по принципу их включенности в разные тематические группы и значительной частотности их употребления в пословичном материале, по шкале от +2 до -2 по 18 бинарным оппозициям.

В роли бинарных оппозиций выступили пары прилагательных или существительных, выделенные нами на основе анализа пословичного материала в Главе 1. Данные оппозиции мы объединили в четыре группы:

1. Бинарные оппозиции, называющие качественные характеристики предмета:
 - а) постоянные – большой/маленький, лёгкий/тяжёлый, прямой/кривой, опасный/безопасный;
 - б) переменные – острый/тупой (полный/пустой), новый/старый.
2. Бинарные оппозиции, заключающие в себе оценку или выражающие отношение к предмету: хороший/плохой, ценный/ничтожный, свой/чужой.

3. Бинарные оппозиции, характеризующие предмет по сфере (обстановке) применения: мужской/женский, внешний/внутренний, возвышенный/бытовой, домашний/уличный, современный/устаревший, дворянский/крестьянский, богатый/бедный.
4. Бинарные оппозиции, выражающие абстрактные представления о предмете: ад/рай, жизнь/смерть.

Анализ материала показал, что для современного носителя языка характерно «положительно» оценивать различные предметы и избегать негативных оценок: в частности, признак «хороший» на том или ином уровне присваивается всем лексемам-стимулам. Именно этим обусловлено частое использование лишь одной из характеристик категории и игнорирование другой (например, всем названным предметам присваивается характеристика *свой*, при этом характеристика *чужой* оказывается за пределами ассоциативного поля данных лексем). Исключение составляют категории мужской/женский, опасный/безопасный, новый/старый.

Многим предметам, хотя и весьма разным, зачастую присваивается одна и та же оценка (например, признак *большой* получил актуализацию для всех лексем, кроме лексемы *иголка*).

В оценке лексем нашло отражение восприятие названных ими предметов как устаревших. Это проявилось в отсутствии доминантных характеристик в случае с такими лексемами, как *веретено*, *соха*.

В §4. «*Бытование лексем тематических групп “Орудие труда” и “Предмет домашней утвари” в поле устойчивых выражений современного русского языка*» приводятся результаты заданного ассоциативного эксперимента. При выполнении этого заключительного задания нашей анкеты испытуемым было необходимо записать какое-либо устойчивое выражение со словом-стимулом (всего их было 17). Слова-стимулы были выбраны на основе частотности их употребления среди пословиц «Школьного словаря живых русских пословиц» В.М. Мокиенко, т.к. эксперимент в контрольной группе испытуемых показал, что выборка

лексем для 3-го задания на основе частотности их употребления в выбранном нами пословичном материале (а это преимущественно пословицы и поговорки из словаря В.И. Даля) не дает достаточных стимульных реакций.

Поскольку испытуемые не были ограничены рамками пословиц и поговорок, мы получили следующие виды реакций:

1. Паремии (в самом широком понимании). К ним мы отнесли пословицы, поговорки, фразеологизмы, в том числе усеченные или не совсем точно воспроизведенные, а также современные пословицы и поговорки, в том числе шуточные. Данный вид реакций в случае с большинством стимулов оказался основным.
2. Приметы. К данному виду мы отнесли выражения, связанные с суеверными представлениями о том или ином предмете.
3. Детский фольклор: считалки, загадки и т.п.
4. Строчки из стихотворения, песни, рекламы, фильма (в частности, телевизионного сериала).
5. Сказки (народные и авторские). К этому виду мы отнесли сказочные фразы и заголовки, в составе которых содержится лексема-стимул.

При этом на разные лексемы были даны разные виды реакций. Так, паремии преобладают в случае с лексемами-стимулами *нож, ложка, иголка, шило, коса, решето, бочка, посуда* (*Нож в спину; Дорога ложка к обеду; Искать иголку в стоге сена; Назвался груздем – полезай в кузов, и т.п.*). Большое количество реакций-примет было дано на лексему-стимул *ведро* (*Встретить бабу с пустыми вёдрами – к несчастью*). Значительным числом сказочных реакций представлены лексемы *горшок, самовар, топор* (*Каша из топора; Горшочек мёда; Муха-Цокотуха*). Такие ответы возможны в том случае, если названный предмет является важной составляющей сюжета той или иной сказки.

Некоторые лексемы, например, *метла, посуда*, довольно широко представлены в контекстах современных песен (*Я хочу побить посуду, я хочу – а значит, буду* (гр. Чи-Ли и Г. Куценко); *Мети, метла, мети* (гр. Каста)),

где, однако, преимущественно актуализируются те же свойства предметов, что и в пословицах (метла – метёт, посуда – бьется).

Следует отметить, что характер тех свойств, которые получают актуализацию в приводимых респондентами пословичных контекстах, достаточно традиционен. Так, в случае с лексемой *нож* актуализируются острота и опасность, в случае с лексемой *ложка* – ее полезность в определенное время, в случае с лексемой *игла* – маленький размер и острота, лексема *посуда* отражает способность легко ломаться и разбиваться, лексема *решето* характеризуется как нечто дырявое, а лексема *чаша* – как нечто заполненное.

В ответах испытуемых наглядно показала себя возможность пословиц трансформироваться и видоизменяться, сохраняя при этом свое основное значение. Особенно ярко это видно на примере максимально сжатых, до уровня словосочетания, пословиц, которые, тем не менее, понятны (например, *Тульский самовар*, *Ложка дёгтя*). В ряде случаев можно говорить о пословицах-реликтах, поскольку мы предполагаем, что испытуемым было бы достаточно сложно восстановить полный вид пословицы или объяснить ее смысл по таким реакциям, как *Коси, коса*; *Горшок – угодник*.

В **Заключении** подводятся итоги проделанной работы, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Список использованной литературы включает в себя источники работы – сборники пословиц и поговорок; словари и энциклопедии; монографии, статьи, учебные пособия.

В **Приложении 1** приводится перечень лексем, анализируемых в работе. В **Приложении 2** дается толкование устаревших лексем. **Приложение 3** представляет собой тематическую классификацию анализируемых лексем. В **Приложение 4** мы включили образец заполненной анкеты. **Приложение 5** представляет собой иллюстративную таблицу к §3 Главы 3, в которой приводятся результаты эксперимента по методу семантического дифференциала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковое воплощение предметов исконного русского быта занимает важное место в картине мира как традиционного носителя языка, так и современного человека. При этом если для традиционного сознания, отраженного в паремиях, характерна актуализация бытовых и сакральных (знаковых) функций названных анализируемыми лексемами предметов, то в современной языковой картине мира акцент смещается на их связь с культурными и мифологическими представлениями.

Разработанную в исследовании методику анализа можно использовать при работе с наименованиями предметов других сфер бытовой жизни русского человека – например, наименований одежды, пищи, построек и т.п. Кроме того, в качестве перспективы развития данной темы можно отметить расширение материала за счет привлечения не только паремий, но и более объемных фольклорных жанров – например, загадок, побасенок и др., а также данных русских говоров и других языков, прежде всего – славянских. Изучение включенности элементов традиционной культуры в современный контекст может быть расширено путем анализа публицистических и художественных текстов.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень российских рецензируемых научных журналов:

1. Сафьянова, М.А. Имя как знак: семиотические функции наименований вещей в контексте пословиц и поговорок / М.А. Сафьянова // Вестн. Тюменск. ун-та. Сер. Филология. - 2013. - №1. - С. 151-157.
2. Сафьянова, М.А. Функционирование лексем тематических групп «Орудие труда» и «Бытовой предмет» в поле устойчивых выражений современного русского языка (на материале

ассоциативного эксперимента) / М.А. Сафьянова // Вестн. Челябинск. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. - 2013. - Вып. 85. - С. 109-113.

3. Сафьянова, М.А. Традиционный русский быт в языковой картине мира современного носителя языка (на материале свободного ассоциативного эксперимента) / М.А. Сафьянова // Вестн. Тюменск. ун-та. Сер. Филология. - 2014. - №1. - С. 107-113.

Публикации в других научных изданиях:

4. Сафьянова, М.А. Вещь в традиционном крестьянском быте: парадигматический аспект / М.А. Сафьянова // Современная филология: теория и практика: материалы VI международной научно-практической конференции, г. Москва, 30-31 декабря 2011 г. - М.: Изд-во «Спецкнига», 2011. - С. 300-304.
5. Сафьянова, М.А. Двойственность традиционной крестьянской вещи в ее языковом отражении (на материале пословиц и поговорок с компонентом «горшок») / М.А. Сафьянова // Фольклористика и культурная антропология сегодня: тезисы и материалы Международной школы-конференции – 2012. - М.: Изд-во РГГУ, 2012. - С. 65-71.
6. Сафьянова, М.А. Диалектная фразеология как репрезентант материальной культуры русского народа (на материале русских говоров Сибири) / М.А. Сафьянова // Экология языка на перекрёстке наук: материалы 2-й международной научной конференции: в 2 ч. - Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. - Ч. 2. - С. 130-134.
7. Сафьянова, М.А. Языковое воплощение традиционной крестьянской вещи: синтагматический аспект (на материале «Словаря пословиц русского языка» В.И. Даля) / М.А. Сафьянова // Вестн. Ишимск. пед. ин-та. Сер. Филология. - 2012. - №1. - С. 88-90.

8. Сафьянова, М.А. Сакральный предмет в народной культуре: вещь и слово. Статья 1. Ложка / С.М. Белякова, М.А. Сафьянова // Филологический дискурс: Вестник Института филологии и журналистики ТюмГУ. - 2013. - Вып. 11. - С. 6-13.
9. Сафьянова, М.А. Сакральный предмет в народной культуре: вещь и слово. Статья 2 (сито / решето) / С.М. Белякова, М.А. Сафьянова // Науч. вестн. Воронежск. архитектур.-строит. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2013. - №10. - С. 107-112.
10. Сафьянова, М.А. Семиотические аспекты функционирования наименований вещей в контексте пословиц и поговорок / М.А. Сафьянова // Экология языка на перекрёстке наук: сборник статей 3-й международной научной конференции: в 2 ч. - Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. - Ч. 1. - С. 226-229.
11. Сафьянова, М.А. Языковая актуализация предметов традиционного крестьянского быта / М.А. Сафьянова // Православие и российская культура: прошлое и современность: сборник статей 35-й Международной научной конференции: в 2 ч. - Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. - Ч. 2. - С. 79-85.
12. Safyanova M.A. The name as a sign: semiotic functions of the names of things in the context of sayings and proverbs / Maria A. Safyanova // Tyumen State University Herald. Philology. - 2013. - №1. - P. 123-130.